

УДК 821.161.1

*Ю.В. Меладшина***ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ МЕЖДУ ГЕРОЯМИ КОМЕДИИ
Н.В. ГОГОЛЯ «РЕВИЗОР» И ИСПОЛНИТЕЛЯМИ ИХ РОЛЕЙ В РОМАНЕ В. ШАРОВА
«ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЕГИПЕТ»**

В статье рассматривается связь персонажей романа В. Шарова «Возвращение в Египет» с судьбами и характерами героев комедии Н.В. Гоголя «Ревизор», роли которых герои Шарова исполняли в самостоятельных постановках, готовясь таким образом к реализации грандиозного семейного проекта клана Гоголей – завершению «Мертвых душ». Параллелизм гоголевских и шаровских персонажей проявляется на идеологическом и на житейском уровнях. При очевидном внешнем социально-историческом и интеллектуальном различии героев современного романа и классической комедии, сопоставительный анализ характеров и судеб позволил обнаружить и показать глубинную связь между ними. Важным аспектом сопоставления героев стал анализ их имен, позволивший выявить дополнительные символические смыслы образов. Главная линия связи между героями Гоголя и Шарова лежит в области идеологии, что и продемонстрировано через сопоставительный анализ заданных логикой романа Шарова пар: например, гоголевский лекарь Гибнер рифмуется с гибельным, смертоносным коммунистическим мировоззрением исполнителя соответствующей роли дяди Святослава, а это обстоятельство, в свою очередь, высвечивает зловещую историческую перспективу «глухонемой» русской бюрократии времен Гоголя. Сверх этих частных параллелей в работе акцентировано внимание на том обстоятельстве, что судьбы едва ли не всех героев Шарова в той или иной мере окрашены хлестаковщиной. Хлестаковым в немалой степени является и главный герой романа – Николай Васильевич Гоголь (Второй), присвоивший себе миссию завершения «Мертвых душ». Сквозь призму «Ревизора» прочитывается «возвращение в Египет» как акт самозванства, обрекающий его инициаторов и исполнителей на неизбежный крах.

Ключевые слова: В. Шаров, Н.В. Гоголь, «Ревизор», миссия, персонаж, сценическая роль, гоголевский текст.

Целый ряд произведений Н.В. Гоголя формирует канву, на которой создается текстовое пространство романа «Возвращение в Египет», но особая роль в сюжете и в символическом плане книги В. Шарова отведена комедии «Ревизор».

В центре романа находится Николай Васильевич Гоголь (Второй) – двоюродный праправнук писателя, чья переписка с многочисленными родственниками, потомками рода Гоголей и составляет романый текст.

Род Гоголей считает себя обязанным завершить великое дело предка – дописать второй и написать третий том «Мертвых душ». Осуществить это должен один из представителей клана, потомок, в котором «сгустится» кровь Гоголей и который будет наделен писательским даром. Этим человеком становится Николай Васильевич Гоголь (Второй), который объясняет возложенную на него миссию следующим образом. «Считая нашим семейным предназначением дописать “Мертвые души”, мама с детства говорила мне: “Ад” написан, “Чистилище” было написано<...> но жизнь сделается невозможна <...>, если мы смиримся, что в ней есть лишь ад, в лучшем случае чистилище» [15. С. 215]. Очевидно, что в данном случае подразумевается не чисто эстетическое, а эпохальное, судьбоносное для России в целом событие.

По мнению героев романа, Гоголь наметил путь к спасению уже в «Ревизоре», – своего рода аналоге Ада как стартовой точки на пути через Чистилище в Рай, а затем продолжил пролагать маршрут в поэме «Мертвые Души». Персонажи романа Шарова в домашних постановках комедии «Ревизор» пытаются воспроизвести и реализовать задуманную предком спасительную акцию. Из переписки героев «Возвращения в Египет» мы узнаем, что перед революцией 1917 г. в родовом поместье Сойменка ежегодно собирался клан Гоголей, чтобы, постигая смыслы гоголевского творчества, исполнить родовое предназначение и завершить недописанный великим предком труд.

О чрезвычайном значении комедии «Ревизор» в романе «Возвращение в Египет» свидетельствует тот факт, что характеры и судьбы целого ряда персонажей Шарова прочитываются в связи с их ролями в сойменских постановках. По взаимодействию персонажей романа с их сценическими ролями можно выделить группу героев, чья связь с ролями носит идеологический характер (по принципу притяжения – отталкивания), и группу героев, чей жизненный путь либо прямо, либо антонимически повторяет судьбу сценического персонажа. Остановимся на некоторых, наиболее показательных слу-

чаях. Это, прежде всего, дядя Петр (слуга Хлестакова Осип), дядя Святослав (уездный лекарь Гибнер), дядя Януш (Бобчинский), Кирилл Косяровский (почтмейстер), а также актрисы, сыгравшие роли Марии Антоновны и унтер-офицерской вдовы.

Сразу отметим еще одно важное в контексте темы обстоятельство, которому мы будем уделять внимание по ходу анализа: связь героя Шарова с гоголевским персонажем нередко актуализирована в имени, что укладывается в гоголевскую традицию. По мнению Ю.Н. Тынянова, «в художественном произведении нет неговорящих имен. <...> Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которые только оно способно [14. С. 269]. А. Л. Лифшиц в своей статье «Об именах в “Ревизоре”» указывал на неслучайность выбора того или иного имени для героя: «автор нарекал своих героев именами тех святых, которые в основных своих чертах или деяниях оказываются абсолютно противоположны свойствам или образу жизни героев комедии» [9. С. 81].

Обратимся к первой из намеченных нами групп персонажей Шарова, которые обнаруживают идеологические связи (синонимического или антонимического характера) со своим сценическими образами. Начать в данном случае целесообразно с дяди Петра, который является одним из главных героев романа. Заметим, что большая часть адресатов Коли Гоголя – это его многочисленные дяди, из числа которых дядя Петр едва ли не главный. Он наставник Коли, «гоголевед, крупный специалист по раннему Гоголю. Колин главный корреспондент. С ним самые доверительные отношения» [15. С. 30]. В сойменских постановках Петр играл роль Осипа – слуги Хлестакова. Любопытен и неслучаен выбор этой роли. Имя «Осип» – это русский вариант еврейского имени Иосиф. Если опираться на теорию, предложенную А. Ф. Лифшицем, то небесным покровителем этого персонажа будет выступать Иосиф Обручник – муж девы Марии, бежавший с ней и младенцем Иисусом в Египет и воспитавший будущего Мессию. В данном контексте может быть прочитана и символически истолкована история рождения и воспитания Коли Гоголя. Его мать – Мария Гоголь, родила его тоже при весьма странных и случайных обстоятельствах, но в рождении этого младенца клан Гоголей увидел будущего спасителя и исполнителя сакральной миссии. Как и евангельский Иосиф, Петр не был родным отцом Коле, но именно он наставлял его на путь, опекал Марию. С точки зрения семейства Гоголей, народ после бесплодных блужданий по пустыне вновь оказался в Египте, но должен совершить чудо Исхода в Землю Обетованную, и проводником – завершителем «Мертвых душ» – суждено стать Гоголю-Второму, Коле Гоголю.

Опираясь на реплики слуги Хлестакова и на комментарии Н.В. Гоголя к пьесе, можно увидеть параллели между ним и героем Шарова, дядей Петром. Подобно Осипу, который оказывается мудрее, прозорливее своего молодого барина (именно он настаивает на скорейшем отъезде из города, опасаясь разоблачения и погони: «Оно хоть и большая тут честь вам, да всё, знаете, лучше уехать скорее... Ведь вас, право, за кого-то другого приняли» [7. С. 68]), Петр видит дальше и глубже Коли и делится с племянником житейской мудростью, причем, в силу особенностей характера (а не социального различия, как между героями «Ревизора»), он делает это деликатно, не навязывая свое мнение, давая возможность племяннику самому дозреть до понимания той или иной ситуации. Интеллигентный, образованный, умный, искренне любящий своего молодого родственника Петр выступает в роли «дядьки» при Гоголе-Втором, что можно рассматривать как вариацию функции Осипа при Хлестакове. Как уже сказано, черты святого Иосифа, жившего в благочестии, строгом воздержании и заботе о Марии и Иисусе, травестируются в образе Осипа – слуги Хлестакова, а в зеркальном отражении ситуация воспроизводится в романе Шарова: в миссии Петра относительно Коли Гоголя черты библейского Иосифа восстанавливаются в своем первичном значении: попечитель, наставник, защитник.

Имя героя Шарова подсказывает еще одну библейскую параллель: с апостолом Петром. Евангельский Петр был одним из любимых учеников Иисуса, продолжателем дела Христа, популяризатором христианства, в католической традиции именно Петр считается первым папой римским. Изначально звавшийся Симоном, после обращения в христианство он получает имя Петр, произошедшее «от греческого Petros – камень» [12. С. 177]. «Блажен ты, Симон... Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (Мф. 16, 18-19). Подобно тому, как апостол становится краеугольным камнем, на котором воздвигнута церковь Христа, в прямом и переносном смысле, Петр из романа Шарова становится «камнем» содержательного наполнения миссии Коли Гоголя. Именно Петр является хранителем «ключей» к творчеству Гоголя: он автор книги «Гоголь в Риме», много рассуждает о значении и трактовках «Мертвых душ», «Миргорода», «Носа», «Старосветских помещиков» и др. произведений

классика, он «обращает» племянника в свою веру, передает ему свои знания, с ранних лет готовит его к исполнению долга. Коля признается: «Учусь у дяди Петра читать Гоголя внимательно, с карандашом, с выписками. Мнение, что второй том “Мертвых душ” – это как бы Чистилище, мне нравится» [15. С. 87]. Как апостол Петр, бывший транслятором высшей истины и хранителем и интерпретатором священных текстов, Петр из романа Шарова приобщает племянника к сакральным текстам семейного клана Гоголей и всего русского народа – произведениям Гоголя.

Другой герой Шарова, идеологически связанный со своим сценическим персонажем, – дядя Святослав, исполнитель роли уездного лекаря Христиана Ивановича Гибнера. В комедии Гибнер не произносит ни слова. Ю. Манн пишет: «Напрашивается такой как будто бы естественный ответ: потому что не знает русского языка. Однако разве Гоголь не мог выбрать немца, который бы говорил по-русски? (Кстати, в первой черновой редакции пьесы он хорошо понимал собеседников и произносил реплики, коверкая слова.) В окончательной же редакции Христиан Иванович ничего не говорит, в беседе чиновников не участвует и лишь издаёт звук, отчасти похожий на букву “и” и несколько на “е”» [11. С. 56].

Дядю Святослава «немым» никак не назовешь: он принадлежит к числу самых активных корреспондентов Коли Гоголя, глубоко вовлеченных в обсуждение той идеологической проблематики, которая вытекает из предназначения рода. Он, как и Петр, один из наиболее значимых родственников Коли – дядя главного героя, т.е. не отец, но функционально близкая к тому фигура: старший, опытный, заинтересованный в судьбе младшего родственника наставник, советчик, помощник. Разумеется, теоретически дядя может быть и оппонентом, антагонистом (как, например, в «Горе от ума» А.С. Грибоедова или в «Доходном месте» А.Н. Островского), но и в этом случае он тоже претендует на роль наставника, предлагая в качестве «правильной» альтернативы свой опыт, свое понимание жизни.

Дядя Святослав, на первый взгляд, не имеет ничего общего с гоголевским лекарем Гибнером, роль которого он исполнял в самодеятельном спектакле в Сойменке, прежде всего потому, что, как уже сказано, его никак не назовешь «глухонемым» в том значении, в котором это применимо к доктору Гибнеру. Он ведет активную переписку с племянником и другими членами семьи, пространно и красноречиво высказывается на волнующие всех темы, у него весьма последовательная, продуманная позиция по тем вопросам, которые обсуждают родственники. В отличие от последних, он является убежденным идейным сторонником революции и последовавших за ней кардинальных перемен в жизни общества, включая самые жестокие формы их реализации. Именно по этому поводу Коля замечает: «Я его очень любил, хотя многое из того, что он писал, было кошунством» [15. С. 735].

Те библейские смыслы и коды, которые обсуждают потомки Гоголя, опираясь на великого предка, Святослав прилагает к истории человечества сквозь призму коммунистической идеологии и советской практики. Всю предоктябрьскую историю он рассматривает как обреченность и безысходность: до Христа «горели в аду», после явления Христа «спасались немногие» [15. С. 602]. Ответом большинству на отчаяние оставленности стало, с его точки зрения, явление Ленина, который переставил акценты и «вместе с партией большевиков признал, что не виновен никто, что, если насилывал, грабил и убивал, за этим, языком юристов, непреодолимые обстоятельства. То, в чем ты – маленькая песчинка, неволен, следовательно, не можешь нести ответственности. Доказав, что в ответе один Господь, Ильич призвал разрушить мир страданий, не оставить от него камня на камне, а дальше на пустом месте начать строить новый, прекрасный Небесный Иерусалим» [15. С. 603]. Святославу «ясно, что именно Ильич был Христом, был тем, кого мы так долго, так безнадежно ждали»; пролетариат он называет народом Божьим, который призван «пройти по его дну аки посуху» [15. С. 603], в то время как «другие классы захлебнутся в безжалостных водах» Революции, – и это единственный способ обретения Земли Обетованной [15. С. 607].

Святослав противопоставляет многотрудный личный путь греха и покаяния прямому коллективному пути в Царство Божие на земле, которое создается радикальным переустройством общества: «Если у Гоголя – сначала вниз, в ад, затем шаг за шагом поворачиваешь, спасая, очищая себя от скверны, возвращаешься к Богу, то у революционеров другой путь. Нечистое раз и навсегда должно быть удалено, изгнано из народа», «оттого и понадобились эти миллионы убитых во время Гражданской войны и в первые тридцать лет строительства коммунизма» [15. С. 633]. Ни о каком прощении раскаявшихся не может быть и речи, нет прощения и потомкам врагов и «попутчиков», ибо зло живуче, гнилое семя даст гнилые всходы, так что «должно наследоваться и наказание» [15. С. 633]. По этой логике, «тройки» и есть Страшный суд, а в застенках ЧК–НКВД осуществляется неизбежный

акт созидания народа Божия и превращения Египта в Землю Обетованную: «На допросах чекист избивает и пытается подследственного, добываясь одного-единственного признания, что он не робкий маленький человек, жертва обстоятельств и жизни, которая затопчет и не заметит, а равноправный, больше того, решающий участник истории. Бесстрашный, безмерно опасный враг страны и народа: чтобы справиться с ним, обществу приходится напрягать все силы. И вот, едва несчастный подписывает протокол, где это сказано черным по белому, то есть в самый миг его торжества, его расстреливают. Убивают лишь для того, чтобы не отыграл обратно, не сделался снова ничтожным существом, дрожащим от каждого шороха» [15. С. 694].

Напомним, что на сойменской сцене Святослав был доктором Гибнером. Возникает вопрос, что же общего между талантливым инженером, плененным идеей коммунистического «созидания» и вычерчивающим в своем воображении адскую картину Царства Божия на земле, и бессловесным гоголевским персонажем, при содействии которого большие «как мухи выздоравливают» – «и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком» [7. С. 45].

В имени своем несущий, как и Христиан Гибнер, отсылку к высоким и торжественным библейским смыслам (Святослав – «священная слава», «славящий святыню»), герой Шарова оказывается идеологическим рупором и орудием нового порядка, основанного на насилии и прямо ведущего к *гибели* миллионов, – он *гибнер* новой эпохи, подводящий идеологическую базу под истребление «больных» во имя торжества царства «здоровых». Таким образом, внешне абсолютно разные персонажи сходятся в одной зловещей точке гибельного, губительного пренебрежения к человеческой жизни ради умозрительной схемы – в одном случае, бюрократического, в другом – идеологического порядка.

Принципиально иначе соотносится со своей сценической ролью дядя Януш, исполнявший роль Петра Ивановича Бобчинского.

В «Предупреждении для тех, которые пожелали бы сыграть как следует “Ревизора”» Гоголь пишет: «Больше всего надобно опасаться, чтобы не впасть в карикатуру. Ничего не должно быть преувеличенного или тривиального даже в последних ролях»; «два городские болтуна Бобчинский и Добчинский [требуют особенно, чтобы] были сыграны хорошо», – и далее поясняет: «это люди, выброшенные судьбой для чужих надобностей, а не для своих собственных» [8. С. 112, 115]. В.Г. Белинский писал про Бобчинского и Добчинского: «Это городские шуты, уездные сплетники <...> Они бессознательно это чувствуют и потому изо всей мочи перед всеми подличают, и, чтобы только их терпели, как собак и кошек в комнате, всем подслуживаются новостями и сплетнями» [1. С. 457].

За внешней пустотой и комизмом оказывается скрыта и глубина, и двойственность этих образов. В.А. Воропаев отмечает: «Смех Гоголя – это контраст между тем, что говорит герой и как он это говорит. Вот в первом действии Бобчинский и Добчинский спорят, кому из них начать рассказывать новость. Эта комическая сцена не должна только смешить. Для героев очень важно, кто именно расскажет. Вся их жизнь заключается в распространении всевозможных сплетен и слухов. И вдруг двоим досталась одна и та же новость. Это трагедия» [3. С. 8].

Бобчинский и Добчинский неизменно даны в паре, но Гоголь настаивал на их разности: «Бобчинский берёт верх над ним [Добчинским. – прим. Ю.М.] по причине большей живости и даже несколько управляет его умом. Словом, актёру нужно заболеть сапом любопытства и чесоткой языка, если хочет хорошо исполнить эту роль, и представлять себе должен, что сам заболел чесоткой языка» [8. С. 115]. В «Предупреждении» указывается, что, в отличие от Добчинского, Бобчинский холост. И именно от Бобчинского читатель слышит смешную, на первый взгляд, фразу: «Я прошу вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам и адмиралам, что вот, ваше сиятельство, или превосходительство, живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский.<...>. Да если этак и государю придется, то скажите и государю, что вот, мол, ваше императорское величество, в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский» [7. С. 66-67]. И.Л. Вишневская обращает внимание на трагедийный подтекст просьбы Бобчинского к Хлестакову: «Из-за смешной фигуры городского сплетника как будто выглянул маленький человек, униженный, ни в чем не повинный, словно лезущий всем на глаза со своею шинелью, словно шепчущий всем, вплоть до государя: “Я брат твой”...» [2. С. 139].

Ю. Манн видит в просьбе Бобчинского «стремление к чему-то “высокому”, к тому, чтобы и ему, Бобчинскому, как-то, говоря словами Гоголя, “означить свое существование” в мире», «форма этого стремления смешна и уродлива, но иной Бобчинский не знает» [10. С. 213]. Если чуть более внимательно отнестись к этой просьбе, то становится понятно, что это не пустое тщеславие, а един-

ственно доступная, неосознанная, интуитивная попытка запечатлеться, оставить хоть какой-то след в жизни. Под маской комизма – трагедия пустой жизни и попыток наполнить ее хотя бы слухами, видимостью действий, иллюзорной нужностью своего существования.

Как отмечает Манн, и самому Гоголю такой порыв был не чужд, о чем свидетельствует письмо к П.П. Косяровскому: «Холодный пот проскакивал на лице моем при мысли, что, может быть, мне доведется погибнуть в пыли, не означив своего имени ни одним прекрасным делом – быть в мире и не означить своего существования – это было для меня ужасно» [6. С. 111]. Этой же идеей вдохновлено стремление героев Шарова, в том числе Януша, исполнителя роли Бобчинского, продолжить и завершить великое дело великого предка, и этим послать миру весть о своем существовании.

Однако лично дядя Януш, чье имя явно отсылает к имени прапрадеда Гоголя – Ян (Иван) – и к его «первоначальной» фамилии – Яновский, скорее антипод «маленького», жалкого гоголевского сплетника с его жалкой претензией на известность.

В биографии Януша скорее есть элементы хлестаковщины – перевоплощения, смены масок, причем в данном случае это не следствие лицемерия и мимикрии, а отражение процесса внутреннего поиска, резонирующего с тем, как меняется окружающий мир.

До революции Януш собирался принять постриг, однако дружба с социал-демократами положила конец мыслям о монашестве. После революции он получил юридическое образование и «путался с несколькими видными большевиками» [15. С. 670]. На исходе двадцатых годов он становится «членом партии и старшим юрисконсультom в республиканском арбитражном суде. Убежден, что, конспирируя с марксистами, он и впрямь сочувствовал социал-демократам» [15. С. 670]. Затем политические взгляды Януша вновь стремительно меняются, и он становится убежденным монархистом.

Януш не просто подхватывают идею продолжения и завершения «Мертвых душ» Колей Гоголем, но и дает очень важную проекцию гоголевского сюжета на современную ситуацию, в которой, сквозь новый советский антураж проступают все те же черты неистребимой отечественной «мертвечины»: «Слог у тебя есть, а действительность – та просто вызывает об этом, – пишет он племяннику. – Оставь страхи, что работа не ко времени, вряд ли будет кому интересна. Гоголь не закончил “Мертвые души” единственно потому, что до второй и третьей части поэмы не дожил, а фантомы есть фантомы, класть их на бумагу он не умел. Сейчас же Бог снова сделал страну точь-в-точь, какой она была при Николае Васильевиче. Помещики нового призыва – председатели колхозов из двадцатипяти-тысячников, крестьяне опять на месячине перебиваются с мякины на лебеду, на трудодень не выходит и стакана зерна. Но отличия тоже имеются. Ныне мечты есть истинная реальность, только в них и живем. Прошлый век ничего подобного не знал. В общем, если сегодня народ чего-то ждет, то именно вторую и третью часть “Мертвых душ”. Так что дерзай!» [15. С. 100].

Эти мысли получают конкретизацию и подтверждение из другого источника: «Будто вторя дяде Янушу, [Гриканов] рассказывал, что среди директоров и председателей, что правят бал по соседству, есть и Ноздревы, и Плюшкины, и Коробочки. Вообще есть все, даже своя Пульхерия Ивановна. Кстати, женщина достойная, колхозниками она чтима. Однажды я спросил про “мертвые души”, он ответил, что есть и они, больше того, на них все и держится. Каждую осень он почти на полгода отпускал в Москву на стройки коммунизма две бригады плотников, каждая двадцать – двадцать пять душ. В деревню от них исправно шли живые деньги, благодаря этому в “Рассвете” никто не голодал, а артельщикам, пока они были на заработках, с его, Гриканова, согласия и под его ответственность столь же исправно рисовали в ведомостях трудодни» [15. С. 103].

В том, как тема эхом раскатывается по роману (на этом принципе построен весь эпистолярный диалог романа Шарова), есть несомненный отзвук мечты Бобчинского о дальнем резонансе собственной судьбы.

Но если Бобчинский сам по себе смешон, не ведая об этом, то Януш умеет видеть смешное в серьезном и облекать семейную мечту в смягчающий и утепляющий ее лирико-юмористический образ: «Представляю эту Землю Обетованную в Заволжье. Крестьяне пахут райскую землю. Рядом на соседнем поле урожай уже созрел, и ветер оглаживает спелые, налитые колосья. По меже прохаживается Господь с архангелами. Все улыбчивые, веселые. Тут же, на лугу, степенные, ухоженные коровы и откормленные телята. В последних столько радости, что они скачут, задирая вверх задние ноги» [15. С. 332].

Но автор этой идиллической картины прекрасно понимает угрозы и опасности, подстерегающие на пути в Землю Обетованную, более того, догадывается о ее недосыгаемости: «Нам говорили,

что семья Иакова должно выйти из Египта, из дома рабства и идти в Землю Обетованную. Но истинная цель провидения – не была ли она другой? В любом случае, избранным народом засеяны поля многих и многих египтов» [15. С. 400]; «два поколения, которые понадобились евреям, чтобы избавиться от рабства, лишь убедили, что свобода никому не нужна», «что испытание ею сведется к ломке человеческой природы и привычного уклада. Чересчур сильное средство, она разрушит самостоятельность жизни на земле» [15. С. 409]. Таким образом, Януш может быть отождествлен с Бобчинским исключительно в самом широком смысле слова, как один из тех, кто хочет быть услышанным и «учтенным», но при этом он, в отличие от своего сценического «двойника», понимает суть происходящего и амбивалентный смысл несомой им «вести».

От Януша идеологическая линия протягивается к не менее интересной фигуре – Кириллу Косяровскому, исчезнувшему жениху, а впоследствии мужу Колиной матери, одержимой идеей завершения «Мертвых душ», в осуществлении которой Косяровскому – тоже потомку Гоголя – отводилась особая роль. Именно благодаря воссоединению Марии Гоголь с ее пропавшим когда-то женихом, отрекшийся, по настоянию матери от родного отца и усыновленный Косяровским Коля сделался – «во всяком случае, по документам» – «со всех сторон чистопородным Гоголем» [15. С. 454].

В списке действующих лиц сойменского «Ревизора» этот герой обозначен в своем постепенно открывающемся по ходу повествования подлинном обличье: «Кирилл Косяровский (он же почтмейстер). Второй муж Марии, матери Коли. Наш агент во Франции. Организатор, скорее всего, и непосредственный исполнитель убийства генерала Кутепова» [15. С. 31].

В отличие от Януша и других активных участников романного диалога, Косяровский не субъект собственного слова, а объект оценок и наблюдений, которыми делятся друг с другом участники переписки, и здесь возникает отсылка к гоголевскому почтмейстеру Шпекину, который причастен к письмам, но не как автор, а как тот, кто доставлял (или не доставлял) их по назначению.

В «Предупреждении» Гоголь следующим образом описывает почтмейстера: «простодушный до наивности человек, глядящий на жизнь как на собрание интересных историй, для препровождения времени, которые он начитывает в распечатываемых письмах. Ничего больше не остается делать актеру, как быть простодушным, сколько возможно» [8. С. 115]. Примечательно, что во второй редакции «Ревизора» почтмейстер не отличается столь явной наивностью и простодушием, ходит он гордо, «вытянувшись, в мундире, придерживая шпагу», имеет титул надворного советника [4. С. 466].

Косяровский внешне на гоголевского героя не похож: «юноша одаренный, в то же время возвышенных устремлений» [15. С. 116], он считался завидным женихом, в невесты которому прочили Марию Гоголь или Ксению Шептицкую, внучку Ухтомской – хозяйки Сойменки, которая также была одержима идеей «сгустить кровь Гоголей». Косяровский отдал предпочтение Марии, в 1918 году они даже обручились, но затем в числе других белых офицеров, записавшихся в Добровольческую армию, Косяровский пропадает, Мария выходит замуж за другого. Однако, как уже сказано, по ходу повествования в этой личности и судьбе обнаруживается второе дно и в образе блестящего молодого человека, доблестного офицера, якобы героически погибшего при наступлении красных, проступают черты почтмейстера Шпекина. Фамилия Шпекин восходит к польскому слову «шпек», «шпег» – «шпион», «соглядатай», «шпеговать» – «шпионить», «тайно разузнавать». Как известно, любимое занятие почтмейстера – чтение чужих писем: «Смерть люблю узнать, что есть нового на свете. Я вам скажу, что это преинтересное чтение. Иное письмо с наслаждением прочтешь – так описываются разные пассажи... а назидательность какая... лучше, чем в “Московских ведомостях”!..» [7. С. 17]. Именно почтмейстеру Городничий поручает проверку всех подозрительных писем: «Для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этак немножко распечатать и прочитать» [7. С. 16]. И именно эти – «шпионские», «соглядатайские» смыслы актуализируются в образе Косяровского.

Примечателен тот факт, что, будучи выпускником гимназии, Кирилл Косяровский в 1917 году стал тайным осведомителем ЧК. Изначально, как и остальные одноклассники, Кирилл занимался сбором посылок для раненых, а затем стал «служить революции, как то нужно самой революции» [15. С. 459], т.е. сообщать обо всех подозрительных разговорах, которым становится свидетелем. В дальнейшем деятельность Косяровского курировал родной отец Коли – Николай Паршин.

Внезапное исчезновение Косяровского и весть о его героической смерти были ничем иным, как тщательно спланированной акцией. Будучи сотрудником иностранного отдела ЧК, а затем НКВД, выполняя служебное задание, Косяровский записывается добровольцем в Белую армию, а через год

под фамилией Юрлов в числе отступающих эвакуируется из Крыма в Константинополь. Оставив Марию Гоголь, Косяровский «уехал с другой женщиной, специально для него подобранной чекистами» [15. С. 452]. Многолетняя работа на разведку велась под началом Николая Паршина, который «предвидя свой арест, сделал так, чтобы Косяровского отозвали обратно в Москву, где после всех вышеперечисленных пертурбаций он, как это и планировалось еще родителями Марии, стал законным мужем их дочери» [15. С. 452].

Косяровский совершенно не воспринимает происходящее как нечто аморальное, циничное, для него это вполне привычное положение вещей, он действует согласно обстоятельствам и приказу («Центр подобрал ему другую пару. Дело не в красоте новой напарницы, главное, что она лучше матери знала иностранные языки и хорошо владела азбукой Морзе» [15. С. 458]), – равно, как и почтмейстер, который не находит ничего противоестественного в чтении чужих писем, для него это привычный ход жизни.

В отличие от дяди Януша, в судьбе которого «хлестаковщина» была следствием внешних обстоятельств, в данном случае смена масок выступает осознанным способом выживания, а под личной носителя чистопородного «гена» Гоголей скрывается преступник. От Марии знающие правду родственники тщательно ее скрывают, Коля объясняет это так: «Если хоть что-то из этого дойдет до мамы, рухнет все устройство ее мира, и она, хотя ни в чем не виновата, хотя и вправду много чего в жизни приняла, никогда себя не простит. Одно дело быть страдальцей, достойно нести свой крест, совсем другое – знать, что просто была игрушкой в руках разных, но, безусловно, нехороших людей» [15. С. 452].

Тем не менее, для читателя постепенно становится очевидно, что замысел спасительной акции по завершению «Мертвых душ» создается на обмане, предательстве (в том числе главного героя – Коли Гоголя, отрекшегося от своего родного репрессированного отца) и замешен на крови – не как знаке родства, а на буквальной, преступно пролитой крови.

Гоголевская «подсветка» (сценические роли персонажей Шарова) оказывается средством акцентуации или обнажения человеческой сущности героев Шарова и, одновременно, помогает заново высветить смыслы собственно гоголевских образов, их скрытого потенциала.

Образ Хлестакова в романе Шарова – это отдельная большая тема, в связи с которой в рамках данной статьи необходимо сказать следующее. В «Отрывке из письма...» Гоголь указывает на сложность и разноплановость характера героя: «Это лицо должно быть тип многого разбросанного в разных русских характерах, но которое здесь соединилось случайно в одном лице, как весьма часто попадает и в nature. Всякий хоть на минуту, если не на несколько минут, делался или делается Хлестаковым» [5. С. 101]. Исполнитель роли Хлестакова в сойменских постановках не назван – возможно, чтобы не «отдавать» эту роль кому-то одному, потому что Хлестаковым и хлестаковщиной в романе Шарова пронизано все, начиная от образа создателя «Ревизора», включая режиссеров – интерпретаторов комедии, многочисленных членов рода Гоголей и кончая романским двойником классика – Колей Гоголем, который, как и Хлестаков, оказывается коллективными усилиями извне втянут в исполнение навязанной ему миссии. В случае Хлестакова – это результат «ошибки», которой герой воспользовался, а точнее сказать – положился на волю случая. В случае Гоголя Второго, «воля и напор» Колиной матери при активном содействии родни, увенчались успехом, и Коля смирился с тем, чтобы взвалить на себя эту ношу, а родня согласилась признать его духовным наследником и преемником великого писателя и содействовать ему в выполнении миссии спасения отечества. В Колиной «избранности» очевидно содержится изъян самозванства, которым заражены едва ли не все гоголевские и шаровские центральные персонажи. «Избранность» главного героя трактуется сродни мессианству, однако «в мессианстве все-таки преобладает при-званность, посланничество. А здесь именно – само-званство» [13. С. 4]. Колина «миссия» – это все та же «хлестаковщина», а в этом контексте неспособность героя Шарова завершить «Мертвые души» – закономерный итог.

Таким образом, «Ревизор» играет чрезвычайно важную роль в сюжете, в образной ткани, в итоговых смыслах романа «Возвращение в Египет». Комедия в различных интерпретациях становится отправной точкой для многих тем и мотивов (в частности для ключевых в рамках романа мотивов исхода и возвращения, самозванства и избранничества), а также оказывает значительное влияние на судьбу персонажей Шарова. Судьбы и характеры героев «Ревизора» соотносятся с судьбами и характерами героев романа – не только тех, которые исполняли соответствующие роли в сойменских самодельных постановках гоголевской комедии, но и тех, которые знают об этом периоде жизни

клана Гоголей лишь понаслышке. Связь по принципу сходства-контраста между героями Шарова и героями «Ревизора», роли которых они исполняли, не всегда прямая и очевидная, но почти всегда идеологически значимая, актуализирующая глубинные смыслы на обоих концах цепи. Сквозь призму «Ревизора» роман в целом прочитывается как акт самозванства, обрекающий его инициаторов и исполнителей на неизбежный крах – «возвращение в Египет».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинский В.Г. Горе от ума. Сочинение А.С. Грибоедова. 2-е изд. // Белинский В. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 3. М.: 1953. С. 452-486.
2. Вишневская И. Гоголь и его комедии. М.: Наука, 1976. 254 с.
3. Воропаев В. Над чем смеялся Гоголь // Русская словесность. 1998. № 4. С. 6-12.
4. Гоголь Н.В. Другие редакции // Гоголь Н.В. Полн.собр. соч.: в 14 т. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 4. Ревизор, 1951. С. 139–471.
5. Гоголь Н. В. Отрывок письма из письма, писанного вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. В 14 т. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952 Т. 4. Ревизор, 1951. С. 99–104.
6. Гоголь Н.В. Письмо Петру П. Косяровскому. Нежин, 3 окт.1827 г. // Гоголь Н. Полн. собр. Соч.: в 14 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1952. Т. 10. Письма, 1820–1835, 1940. С. 111–113.
7. Гоголь Н.В. Полн. академическое собр. соч. и писем: в 14 т. М.-Л.: АН СССР, 1951. Т. 4: Ревизор, 1951. 552 с.
8. Гоголь Н.В. Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора» // Гоголь Н.В. Полн.собр. соч.: в 14т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т.4 Ревизор, 1951. С. 112-120.
9. Лифшиц А.Ф. Об именах в «Ревизоре» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 4. С. 81-89.
10. Манн Ю.М. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996, 474 с.
11. Манн Ю.М. Постигая Гоголя. М.: Аспект Пресс, 2005. 206 с.
12. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М.: АСТ, 1998. 528 с.
13. Тульчинский Г.Л. Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы. СПб. РХГИ. 1996. 412 с.
14. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 575 с.
15. Шаров В. Возвращение в Египет. М.: АСТ, 2015. 759 с.

Поступила в редакцию 22.05.2018

Меладшина Юлия Владимировна, аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы
ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24
E-mail: meladshina@yandex.ru

Yu. V. Meladshina

IDEOLOGIC AND ARTISTIC PARALLELS BETWEEN THE CHARACTERS OF N.V.GOGOL'S COMEDY "THE GOVERNMENT INSPECTOR" AND THEIR ROLE PERFORMERS IN V. SHAROV'S NOVEL "RETURN TO EGYPT"

The article reviews the connection between the characters of V. Sharov's novel «Return to Egypt» and heroes' destinies and personalities of N.V. Gogol's comedy «The Government Inspector». The characters of Sharov performed these heroes in amateur directions, preparing for implementation of a great family project of Gogol's clan – the ending of «Dead souls». Parallelism of Gogol and Sharov's characters is revealed on ideological and worldly levels. Comparative analysis of personalities and destinies finds out and shows deep connection between them, though there are obvious formal sociohistorical and intellectual differences of a modern novel and a classic comedy. An important part was the analysis of heroes' names allowing revealing additional symbolic meaning of characters, while comparing them. The main connection line between Gogol and Sharov's characters is based on ideology. This is shown in comparative analysis of pairs determined by the logic of Sharov's novel. For example, Gogol's doctor Gibner rhymes with destructive, deadly communistic mindset of uncle Svyatoslav, who is performing the corresponding part. This circumstance, in return, demonstrates menacing historic perspective of «deaf and dumb» Russian bureaucracy of Gogol's time. Above these frequent parallels, the work points out the circumstance that all destinies of Sharov's heroes are colored with bragging. Despite the fact that the performer of Khkestakov character is not named directly, Nikolai Vasilievich Gogol (the second) is Khlestakov's character of the novel to the large extent, who appropriates the mission to end «Dead souls» to himself. Through the lens of «The Government Inspector» this to be represented as the act of impersonation, doomed the initiators and performers to inevitable failure – «return to Egypt».

Keywords: V. Sharov, N.V. Gogol, «The Government Inspector», mission, character, theatre part, Gogol's text.

REFERENCES

1. Belinskiy V.G. Gore ot uma. Sochinenie A. S. Griboedova. 2-e izd. [Woe from wit. An Essay by A.S. Griboedov. 2nd ed.] // Belinskiy V. Poln. sobr. soch.: v 13 t. T. 3. [A complete collection of works: in 13 vols. Vol. 3]. M.: 1953. pp. 452–486 (In Russian).
2. Vishnevskaja I. Gogol' i ego komedii [Gogol and his comedies]. M., 1976. 254 p. (In Russian).
3. Voropaev V. Nad chem. smejalsja Gogol' [What was Gogol laughing at] // Russkaja slovesnost' [Russian literature]. 1998. № 4. pp. 6–12. (In Russian).
4. Gogol' N.V. Drugie redakcii [Other revisions] // Gogol' N.V. Poln. sobr. soch.: V 14 t. [A complete collection of works: in 14 vols.] M.–L.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1952. T. 4. Revizor [Vol. 4: The Government Inspector], 1951. pp. 139–471. (In Russian).
5. Gogol' N.V. Otryvok pis'ma iz pis'ma, pisannogo vskore posle pervogo predstavleniya «Revizora» k odnomu literatoru [Excerpt from the letter written shortly after the first submission of the "The Government Inspector " to one writer] // Gogol' N.V. Polnoe sobranie sochineniy. V 14 t. [A complete collection of works: in 14 vols.]. M.–L.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1952 T. 4. Revizor [Vol. 4: The Government Inspector], 1951. pp. 99–104. (In Russian).
6. Gogol' N. V. Pis'mo Petru P. Kosjarovskomu. Nezhin, 3 okt. 1827 g. [A letter to Peter P. Kosyrovskoy. Nezhin. 3 Oct. 1827] // Gogol' N. Poln. sobr. soch.: v 14 t. [A complete collection of works: in 14 vols.]. M.–L.: Izd-vo AN SSSR, 1937-1952. T. 10. Pis'ma [Vol. 10: Letters], 1820–1835, 1940. pp. 111–113. (In Russian).
7. Gogol' N.V. Poln. Akademicheskoe sobr. soch. i pisem: V 14 t. [A complete academic collection of essays and letters: in 14 vol.]. M.–L.: AN SSSR, 1951. T. 4: Revizor [Vol. 4: The Government Inspector], 1951. 552 p. (In Russian).
8. Gogol' N.V. Preduverdomleniedljateh, kotoryepozhelali by sygrat' kaksleduet «Revizora» [Advance notice for those who would like to perform «The Government Inspector» in a proper manner] // Gogol' N.V. Poln. sobr. soch: v 14 t. [A complete collection of works: in 14 vols.]. M.–L.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1952. T. 4. Revizor [Vol. 4: The Government Inspector], 1951. pp. 112–120. (In Russian).
9. Lifshchits A.F. Ob imenakh v “Revizore” [About names in “The Government Inspector”] // Vestnik Moskovskogo universiteta [Moscow University Herald]. Ser. 9. Filologija [ser. 9. Philology]. 2011. № 4. pp. 81–89. (In Russian).
10. Mann Yu.M. Pojetika Gogolja. Variacii k teme. [The Poetics Of Gogol. Variations to the theme]. M.: Coda, 1996, 474 p. (In Russian).
11. Mann Yu.M. Postigaja Gogolja [Comprehending Gogol]. M.: Aspekt Press, 2005. 206 s. (In Russian).
12. Superanskaja A.V. Slovar' russkih lichnykh imen [Dictionary of personal names]. M.: AST, 1998. 528 p. (In Russian).
13. Tul'chinskiy G. L. Samozvanstvo. Fenomenologiya zla imetafizika svobody [Imposture. Phenomenology of evil and metaphysics of freedom.]. SPB. RKhGI. 1996. 412 p. (In Russian).
14. Tynyanov Yu.N. Poetika. Istoriyaliteratury. Kino. [Poetics. History of literature. Cinema]. M.: Nauka, 1977. 575 p. (In Russian).
15. Sharov V. Vozvrashhenie v Egipt [Return to Egypt]. M.: AST, 2015. 759 p. (In Russian).

Received 22.05.2018

Meladshina Yu.V., postgraduate student of the Department of Russian and foreign literature
Perm State Humanitarian Pedagogical University
24, Sibirskaya st., 614990, Perm, Russia
E-mail: meladshina@yandex.ru